

УДК 316.42 + 316.624 + 316.722

А. В. Метелев
Т. Г. Сердюк**КОНЦЕПЦИЯ ТИПОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРИСПОСОБЛЕНИЯ
И ТЕОРИЯ «АНОМИИ» Р. МЕРТОНА
(КРИТИКА ОСНОВАНИЙ И НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ)**

В статье проводится критический анализ оснований выделенных Р. Мертоном типов индивидуального приспособления и его теории «аномии», по итогам которого утверждается, что концепция Р. Мертона применима в первую очередь к изучению либо гомогенного общества, либо общества, стремящегося к такому состоянию в результате давления тотальной идеологии. С другой стороны, концепцию Р. Мертона можно рассматривать как обобщенную идеализированную модель, которая при условии определенного ее развития может быть применима и к изучению гетерогенного общества, а также социальных изменений. В заключение для изучения постсовременного общества (в том числе российского) предлагается направление развития концепции Р. Мертона, предполагающее ряд мер («шагов»). При этом рекомендуется, применяя концепцию Р. Мертона к анализу конкретного общества, учитывать его цивилизационные особенности, культурное своеобразие и разнообразие, а также специфику его ментальности.

Ключевые слова: типы индивидуального приспособления, теория «аномии», постсовременное общество, социальные изменения, ментальность, цивилизационные особенности.

Закономерности функционирования общества, выведенные Робертом Мертоном [15] в его теории «аномии», нашли основательное подтверждение и яркую иллюстрацию в процессах, происходивших в некоторых постсоветских обществах, и в частности в российском в 90-е гг. XX в. — первом десятилетии XXI в., что нашло отражение в работах ряда авторов, например П. Штомпки [26], В. В. Кривошеева [12], С. Т. Кавецкого [7], С. А. Кравченко [11], В. С. Афанасьева [1], В. В. Монакова [16], Я. И. Гилинского [4] и др. Отчасти данные закономерности просматриваются в функционировании отдельных сфер российского общества и в современный период. Так, например, в 2010-е гг. они же проявляются в системе российской науки и образования в связи с проводимыми в этих сферах реформами, которые сопровождаются трансформацией и отчасти заменой официально поддерживаемых и одобряемых целей и легитимных способов их достижения, а также связанных с ними ценностей в данных видах социально значимой деятельности.

Вместе с тем, учитывая специфику современного общества, связанную с усложнением его структур, ростом разнообразия социальных групп и их ценностей, с ускорением и усложнением социальной динамики, некоторые авторы предлагают переосмысление «классической» трактовки понятия аномии в духе Э. Дюркгейма [5, 6] (начало XX в.) и Р. Мертона [15] (середина XX в.), отмечая усложняющую природу аномии, ее связь с другими социальными явлениями и обусловленность различными социокультурными контекстами. Так, например, С. А. Кравченко, констатируя характерное для современности становление сложного социума,

обосновывает идею переоткрытия аномии и, призывая учитывать невиданные ранее современные социальные и культурные реалии, сначала применяет понятие «парааномии» [11], а затем представляет контуры концепции «нормальной аномии» и дает определение данной категории, согласно которому это «...расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека» [10].

При этом, по сравнению с тем интересом, который связан с изучением аномии, обращение к рассмотрению форм индивидуального приспособления, а также оснований, которые выбирает Р. Мертон для их выделения, в отечественной научной литературе выглядит не столь основательным, хотя в первую очередь исходя именно из данных оснований и разработок Р. Мертона и делает вывод об основных причинах разрастания аномии и распространения девиантного поведения в обществе.

Поэтому обращение к теории «аномии» Р. Мертона, критический анализ оснований выделенных им типов индивидуального приспособления, попытка дополнения и развития данных теоретических построений Р. Мертона представляются весьма актуальными для осмысления некоторых глубинных социальных процессов постсовременного общества, в том числе тех, которые происходят в настоящее время в российском обществе как в целом, так и в отдельных его сферах, а также для понимания тех механизмов его функционирования, которые являются значимыми и важными с точки зрения перспектив дальнейшего развития.

Теория типов индивидуального приспособления и теория «аномии» Р. Мертона очень тесно взаимосвязаны. При этом если брать в расчет методологический аспект творчества Р. Мертона, то их можно считать теориями среднего уровня. То есть это такие теории, которые могут быть применены к ограниченным концептуальным областям и используются как ориентир для эмпирического исследования. По мнению Р. Мертона, «...это теории, находящиеся между второстепенными, но необходимыми рабочими гипотезами, появляющимися в изобилии в ходе проведения рутинного исследования, и всеобъемлющими систематическими попытками разработать общую теорию, которая объяснит все наблюдаемые закономерности социального поведения, социальной организации и социального изменения» [15, 64].

Обращаясь к проблеме девиантного поведения, Р. Мертон опирается на методологические основания функционализма, сопоставляя их с основополагающими принципами «психологизма», к которому он относит прежде всего психоанализ. При этом в первую очередь он полемизирует с такими представителями фрейдизма и неофрейдизма, как З. Фрейд и Э. Фромм, которые пытались вывести истоки девиантного поведения из специфики организации психики индивида, прежде всего биологических импульсов, находящихся в бессознательном или по крайней мере не осознаваемых самим человеком [Там же, 231].

Однако Р. Мертон полагает, что далеко не все причины девиантного поведения можно свести к биологическим импульсам индивида и их подавлению со стороны общества, многие из них обусловлены социальной структурой, которая задает определенные цели и формирует общезначимые мотивы поведения членов общества [Там же, 231–232].

Данная позиция Р. Мертона в принципе заслуживает поддержки, учитывая, что «психологизм» может быть применим по преимуществу к изучению поведения отдельных людей для выявления причин именно их поведения, но он не может помочь решить проблему в более широком, социальном плане, чтобы изменить ситуацию с девиантным поведением в масштабе всего общества. Напротив, исследование девиантного поведения, исходя из функционального подхода, является более перспективным и эффективным, так как оно направлено на выявление тех причин, которые носят социальный характер и связаны с функционированием общества в целом и его структур. Поэтому такое исследование может дать конкретные рекомендации, позволяющие вносить соответствующие изменения в социальную организацию, направленные на совершенствование ее функционирования.

Основные предпосылки, из которых исходит Р. Мертон, изучая социальную структуру и связывая ее рассмотрение с изучением девиантного поведения, это выделенные им, с одной стороны, сформировавшиеся и принятые в данной культуре цели и ценности, которые навязываются ее представителям, а с другой — институционально закрепленные средства достижения этих целей, то есть способы, считающиеся легитимными с точки зрения права и морали данного общества [15, 245–246].

У членов общества, как представителей многочисленных социальных групп и слоев, может складываться различное отношение к этим двум компонентам социальной структуры, что, с точки зрения Р. Мертона, позволяет выделить пять типов индивидуального приспособления. При этом, как подчеркивает автор, распределение и «удельный вес» той или иной формы будет неодинаков для социальных групп, находящихся на различных уровнях общественной иерархии.

Типы, выделенные Р. Мертоном, схематично представлены в следующей таблице, где (+) обозначает «принятие», (–) — «отвержение», а (±) — «отвержение господствующих ценностей и замену их новыми».

Типология форм индивидуального приспособления [15, 254–255]

Форма приспособления	Культурные цели	Институционализированные средства
Конформность	+	+
Инновация	+	–
Ритуализм	–	+
Бегство	–	–
Мятеж	±	±

По мнению Р. Мертона, с формальной точки зрения все типы индивидуального приспособления, за исключением конформизма, можно рассматривать как девиантные. Хотя инновацию и ритуализм к отклоняющимся типам Р. Мертон относит с определенными оговорками.

Свой анализ и выделение основных типов индивидуального приспособления Р. Мертон проводит на примере американского общества с господствующим в нем идеалом «американской мечты», согласно которой денежный успех рассматривается как основная культурная цель [15, 307]. Сделано это было, как отмечает Р. Мертон, «...только ради упрощения проблемы... хотя, конечно, существуют альтернативные цели в хранилище общих ценностей» [Там же].

Кроме того, автор допускает, что рассмотрение этих типов приспособления возможно в различных сферах поведения. Однако сам он сосредоточил внимание на экономической деятельности в широком смысле «...производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг», так как в американском конкурентном обществе богатство приобрело высокую символическую ценность [Там же, 256].

Причину девиантного поведения и разрастания аномии Р. Мертон видит в большой дистанции или даже разрыве между культурной целью и теми средствами ее достижения, которые считаются законными в данном обществе, что приводит индивидов к осознанию того, что легитимными средствами достичь ее очень трудно или почти невозможно, в первую очередь для представителей низших страт общества. По мнению Р. Мертона, это тем более актуально по отношению к американскому обществу, потому что навязываемая здесь культурная цель — «денежный успех» — в пределе недостижима [Там же, 250].

Основные теоретические положения концепции Р. Мертона неоднократно подвергались явной или неявной критике с позиций различных подходов, направлений и теорий, например, таких, как культурологический подход (теория субкультур), психологический подход, теория конфликта, теория дифференциальной ассоциации, теория стигматизации и т. д. (краткие обзоры по этому поводу содержатся, в частности, в работах Дж. Ритцера [18], В. С. Афанасьева [1], Я. И. Гилинского [4]).

Вместе с тем некоторые авторы попытались не только высказать критические замечания, но и развить, углубить и расширить различные аспекты теоретических построений Р. Мертона.

Т. Парсонс, посчитав, что взаимные ожидания в социальных группах играют важную роль в поведении, дополнил основания типологизации индивидуального приспособления еще одной переменной, вывел восемь типов девиантного поведения и включил концепцию Р. Мертона в более широкую теорию социального действия [17, 360–451].

Р. Дьюбин, справедливо полагая, что действительное практическое поведение и нормы не всегда совпадают, разграничил их и предложил четырнадцать типов индивидуального приспособления [27].

А. К. Коэн обратил внимание на то, что целью индивидов является не денежный успех, а достижение статуса в группе и обществе, который связан с определенной символикой роли и поступков, а также обратил внимание на проблему взаимосвязи характера социальной структуры, социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения [9].

Л. Е. Оулин, Р. А. Клаурд, изучая деликвентные субкультуры, подчеркнули, что на выбор того или иного типа индивидуального приспособления оказывает

влияние наличие или отсутствие доступа не только к легитимным средствам достижения цели, но и к нелегитимным, а также отметили, наряду с нормами, принятыми в социальной системе, наличие строгих норм, регулирующих преступную деятельность [8].

П. Штомпка, объединил теорию «аномии» и типологию адаптации к экономическому состоянию Р. Мертонa с типичными реакциями на риск, сформулированными Э. Гидденсом, дополнил их концепцией «ценностно-наполненной динамики» Н. Смелзера и в результате предложил концепцию «культурной травмы», которую применил для анализа революционных изменений в обществе [25].

Переходя к конкретным критическим замечаниям, в самых общих чертах можно предварительно отметить, что попытка упрощения и схематизации при рассмотрении социальной структуры, а также выбор американского общества в качестве примера для анализа без сравнения его с каким-то иным, в первую очередь не принадлежащим к западной цивилизации, приводит к тому, что Р. Мертон допускает некоторые отождествления и обобщения, которые представляются весьма спорными.

Во-первых, считая возможным изменение норм права и морали, автор не ограничивает те средства, которые относятся, с одной стороны, к праву, с другой стороны — к морали, хотя в обществе нормы права и морали в ряде компонентов могут не совпадать или даже противоречить друг другу. В каких-то конкретных обществах это расхождение может быть более выраженным, в каких-то — менее, но присутствует оно почти всегда. Поэтому более точный анализ должен предполагать разграничение средств достижения целей с точки зрения их согласования, с одной стороны, с нормами права, а с другой — с нормами морали, а также выявление степени и сфер их несоответствия друг другу.

В качестве «оправдания» позиции Р. Мертонa по вопросу о соотношении права и морали можно отметить одну из характерных особенностей западной цивилизации, истоки которой восходят к римской республике, а затем к империи. Это фундаментальная роль правовых оснований в государственно-политических устоях, социальных отношениях и культурной жизни западного общества.

Так, например, С. Хантингтон, характеризуя западную цивилизацию в сравнении с другими, данную особенность обозначает краткой и четкой формулировкой — «господство закона» и описывает ее происхождение и трансформации следующим образом: «Концепция центрального места закона в цивилизованном бытии была унаследована от римлян. Средневековые мыслители развили идею о природном законе, согласно которому монархи должны применять свою власть, и в Англии появилась традиция общего права. Во время фазы абсолютизма (XVI–XVII вв.) торжество наблюдалось скорее в нарушении закона, чем в соблюдении его, но продолжала существовать идея о подчинении власти человеческой неким внешним ограничениям: *Non sub homine sed sub Deo et lege* (Не под человеком, но под Господом и законом. Примеч. пер. — А. М., Т. С.). Эта традиция господства закона лежала в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности, против применения деспотической власти. В большинстве

других цивилизаций закон был куда менее важным фактором, обуславливающим мышление и поведение» [24, 98–99].

Данную характерную особенность западного общества, описанную С. Хантингтоном, можно дополнить и уточнить замечаниям о том, что в эпоху Реформации произошло существенное переосмысление традиционных ценностей и некоторых принципов христианской этики. В результате чего в западном обществе происходит все большее распространение и укоренение принципов и ценностей протестантской этики, которые М. Вебер вполне справедливо связывал с самим «духом капитализма» [3], а после буржуазных революций XIX в., помимо религии, они получают отражение и закрепление также и в системе права. В результате исходный дуализм духовного и светского «снимается» и приходит к своеобразному диалектическому синтезу: «буржуазная» протестантская этика и право «срастаются», взаимопроникают и становятся взаимодополняющими.

Данную взаимосвязь «буржуазной» этики и права, а также ее стереотипность в американской культуре хорошо иллюстрирует работа Э. Х. Сатерленда «Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями?» и в первую очередь вывод автора в котором он сначала уверенно декларирует, что «правила морали кристаллизуются в законе и каждый акт исполнения закона содействует укреплению морали», а затем констатирует, что «законы, действующие в отношении преступлений людей в белых воротничках, скрывающие преступный характер их деятельности, менее эффективны в укреплении норм морали, чем другие законы» [19, 60].

Возможно, поэтому, будучи сам представителем западной цивилизации, Р. Мертон не разграничивает нормы права и морали, сводит их воедино, когда говорит о применении легитимных средств для достижения цели.

Хотя, конечно, указанная особенность характеризует западную цивилизацию в целом и «по преимуществу», конкретное западное общество, в том числе и в первую очередь — американское, включает множество социальных групп с моральными кодексами, не совпадающими с правовыми установлениями.

Фиксация этого положения дел является одним из ключевых исходных тезисов в концепции субкультур Т. Селлина, который утверждает что «...несоответствие между законами государства и моральными представлениями различных социальных групп населения данного государства можно проследить повсюду, где стандарты, которым следуют господствующие социальные группы, отличны от стандартов, принятых подчиненными или подчинившимися группами» [21, 32].

Поэтому можно согласиться с Р. Макайвером в том, что понятия «преступность» и «аморальность» связаны, но нетождественны [13, 76–77].

В российском обществе, в сравнении с западным, несовпадение кодекса правовых норм и моральных кодексов различных социальных групп носит характер цивилизационной специфики. В России исторически сложилось так, что моральные устои и правовые установления очень часто не совпадают или даже могут противоречить друг другу, поэтому перед индивидами часто встает проблема выбора: поступить «по закону» или «по совести» («справедливости», «правде»), принять решение «в соответствии с разумом» или «по велению сердца»?

Во-вторых, признавая, что культурные цели и ценности могут быть не одними и теми же в различных обществах или в разные периоды их существования, Р. Мертон не разграничивает их, так же как и нормы права и морали.

Между тем даже одна и та же цель может ставиться, исходя из различных ценностей или даже их систем, и, напротив, придерживаясь одних и тех же ценностей, представители различных социальных групп могут интерпретировать их по-своему и, как следствие, считать значимыми различные цели. Это наглядно было показано М. Вебером в работе «Социология религии», в которой он справедливо указал на то, что даже одна и та же религия по-разному понимается крестьянами, ремесленниками, правящей «бюрократией», воинами и интеллектуалами [2].

В-третьих, постсовременное общество отличается все большим культурным, конфессиональным и этническим разнообразием и сосуществованием в его рамках различных социальных групп. Каждая из таких групп, исходя из собственного набора ценностей, может придавать значение специфическим целям и считать легитимными своеобразные средства их достижения.

Причем такое разнообразие, хотя и в меньшей мере, было характерно и для обществ (в том числе — американского) в 1930–1960-х гг., то есть в то время, когда Р. Мертон создавал и модернизировал свою концепцию. На данный факт обращали внимание ряд современных ему исследователей.

Так, например, Т. Селлин подчеркивал необходимость изучать «конфликт кодексов культур», в первую очередь имея в виду конфликты между нормами различных культурных систем или зон. При этом объектом большинства проведенных им исследований являлись иммигрантские или расовые группы в Соединенных Штатах [20, 288].

В-четвертых, трудно согласиться с неявным допущением Р. Мертона о том, что индивид однозначно принимает или не принимает некие универсальные и определенные цели и ценности, принятые в обществе.

В этом случае скорее следует хотя бы отчасти согласиться с тезисом, который еще в начале XX в. высказал П. Сорокин. С его точки зрения, конкретный индивид не принадлежит к какому-то обществу в целом (которое, по мнению П. Сорокина, как таковое, реально не существует) или даже к какой-то определенной социальной группе. Он «вращается» во множестве социальных групп [23]. Следовательно, находясь в той или иной группе, индивид может интериоризировать в качестве значимых и ценных различные цели и нормы, что может приводить к их столкновению в индивидуальном сознании и ставить индивида перед проблемой выбора, в том числе статусных референтных групп [9].

Данное утверждение П. Сорокина и следствие из него становятся еще более актуальными в «постсовременном» обществе с его стремительно изменяющейся и усложняющейся структурой, а также социальной и культурной разнородностью.

Указанные не вполне оправданные отождествления и слишком общие и недифференцированные основания выделения типов индивидуального приспособления, предложенные Р. Мертоном, приводят к тому, что эти типы, во-первых, выглядят слишком широкими и, как следствие, охватывающими совершенно различных по характеру деятельности и ее оценке индивидов, а во-вторых, к тому, что

значительная часть представителей реального общества не может быть отнесена ни к одному из указанных Р. Мертоном типов индивидуального приспособления.

Так, в форму индивидуального приспособления под наименованием «инновация» Р. Мертон включает как откровенных преступников и аморальных индивидов, так и так называемых «практичных», «ловких» и «преуспевающих» людей [15, 257], которые совершают поступки, находящиеся на грани добра и зла. К таковым можно отнести тех, чьи действия не могут быть оценены как нелегитимные в строгом смысле слова. Они применяют такие новые способы достижения принятой в данной культуре цели, которые в дальнейшем могут стать вполне законными.

Для разграничения этих разновидностей инновации можно использовать понятия «нелегальной» и «законной» инноваций, которые применяет П. Штомпка [26, 11]. Однако с учетом того, что он весьма своеобразно интерпретирует характеристики типов индивидуального приспособления [25, 15; 26, 9], рассматривая их в контексте своей концепции «культурной травмы», в данном случае более корректным представляется применение характеристик «негативный» и «позитивный», используемых, в частности, Я. И. Гилинским по отношению к девиантным типам поведения, в том числе к инновации [4].

Особенно оправданным это представляется применительно к постсовременному обществу с его стремительно усложняющейся структурой и динамикой. Учитывая эту его специфику, не следует, по крайней мере однозначно негативно, оценивать определенные типы приспособления как девиантные. Следует учитывать, что в определенном смысле и контексте «позитивные девианты» (и в первую очередь — «инноваторы») способствуют не только нормальному функционированию, но и динамичному развитию общества.

Также весьма спорным, но в данном случае слишком «узким», представляется отнесение к «ритуалистам» только тех, кто боится потерять достигнутый уровень успеха и потому, по мнению Р. Мертона, отказывается от навязываемой культурной цели, руководствуясь принципами «Я стараюсь не выделяться», «Я соблюдаю осторожность», «Я довольствуюсь тем, что у меня есть», «Не стремись высоко — и не будешь разочарован» [15, 268]. Однако если следовать сугубо формальным основаниям, предложенным самим же Р. Мертоном, то к этому типу следует отнести и тех, кто видит ценность не в цели, а в процессе, причем та деятельность, которой они занимаются, приносит им удовлетворение. Именно процесс, а не результат или цель, представляет для них ценность. Эта та категория людей, которые действуют по принципам «Важна сама процедура», «Ценна не сама победа в борьбе, а то, как ты боролся» или, в пределе, «Главное не цель жизни, а тот смысл, который ты ей придаешь».

По аналогии с изложенным выше рассмотрением и критикой инновации можно предложить разделение ритуализма на «негативный» (или собственно ритуализм, как его характеризует Р. Мертон) и «позитивный».

В связи с этим можно отметить еще один недостаток в основаниях выделения типов индивидуального приспособления в концепции Р. Мертона: он связывает ценности только с принятой в данной культуре целью или с возможными

альтернативными целями, а не с процессом или хотя бы нормами права и морали, которые для ряда людей могут быть теми жизненными принципами, которыми они руководствуются в своей деятельности безотносительно цели, следуя кантовскому «категорическому императиву». Возможно, отчасти осознавая это, Р. Мертон не относит «ритуализм» в строгом смысле к девиантным типам индивидуального приспособления, хотя и делает это с определенными оговорками. Более того, иногда Р. Мертон, как бы «проговариваясь», говорит о ценности принятых в обществе норм.

Указанные недостатки, с одной стороны, отчасти можно объяснить тем, что свою схему Р. Мертон стремится сделать более простой и удобной для применения в конкретном исследовании, с другой стороны, эти недостатки связаны с тем, что, как уже отмечалось ранее, разработанные им методологические основания применяются к американскому обществу, выбранному Р. Мертоном в качестве объекта конкретного исследования и примера.

Действительно, один из ключевых и доминирующих элементов ментальности американцев — чрезмерная акцентуация на цели, в частности, как в примерах Р. Мертона, это достижение «денежного успеха», а в более широком смысле — стремление быть победителем (нередко — любой ценой). Это подчеркивает и сам Р. Мертон, характеризуя «американский культурный образец»: «Американцев увещевают “не пасовать перед трудностями”, ведь в словаре американской культуры, как и в лексиконе молодежи, “нет слова “неудача”. Призыв культуры очевиден: нельзя предаваться унынию, нельзя прекращать борьбу, нельзя понижать свои цели, ибо “не неудача, а скромная цель — вот что является преступлением”» [15, 253].

По мнению Р. Мертона, американская культура «...обязывает принять три культурные аксиомы: во-первых, всем надлежит бороться за достижение одних и тех же высших целей, поскольку путь к ним открыт для всех; во-вторых, текущая кажущаяся неудача всего лишь остановка на пути к конечному успеху; и в-третьих, настоящая неудача состоит лишь в снижении амбиций или в отказе от них. В грубом переложении на язык психологии эти аксиомы означают, во-первых, символическое вторичное подкрепление побудительного стимула; во-вторых, обуздание угрозы угасания реакции посредством сопутствующего стимула; в-третьих, повышение способности мотива вызывать повторение реакций, несмотря на продолжающееся отсутствие вознаграждения» [Там же, 253–254].

Таким образом, если следовать логике рассуждения Р. Мертона в его психологической характеристике американской культурной цели, то следует признать, что в данном случае был найден оригинальный способ мотивации в духе развития концепции П. А. Сорокина, которую он изложил в одной из своих ранних работ «Преступление и кара, подвиг и награда» [22]. При этом «карательные акции» по отношению к индивидам, не желающим следовать должному стереотипу поведения, заключаются в порицании как со стороны ближайшего окружения индивида, так и со стороны общества в целом, благодаря повсеместно распространяемой и тщательно поддерживаемой «идеологии успеха». Наградные же акции выступают как потенциальные, предусмотренные в обществе, но заслуживаемые индивидуальными усилиями, а потому в действительности поощрение получают

не все, а лишь те, кто этого достоин и заслужил по факту самого получения награды, а не по объективно затраченным усилиям. В данном случае обоснование строится в соответствии со своеобразной «перевернутой логикой»: «не достиг успеха — значит не заслужил, потому что недостаточно трудился и старался». Хотя объективно причинно-следственная связь между данными суждениями и фактами не носит однозначно необходимого характера, связь между ними является скорее знаково-символической, религиозной, в духе протестантской этики. Мысль о том, что кто-то из достойных награды не получил ее, просто не допускается или расценивается как попытка оправдания неудачника, или, в более глубинном смысле, свидетельствует об отсутствии богоизбранности.

Р. Мертон также отмечает, что в переложении на социологический язык указанные им три культурные аксиомы означают, «...во-первых, перенос критики среди тех, кто в силу своего положения в обществе лишен полного и равного доступа к возможностям, с социальной структуры на собственное Я; во-вторых, сохранение структуры власти в обществе путем принуждения индивидов, принадлежащих к низшим социальным стратам, к самоидентификации не с равными себе, а с теми, кто находится на самом верху (и к кому они в конечном счете присоединятся); в-третьих, обеспечение давлений, заставляющих подчиниться культурному диктату неумеренных амбиций, через угрозу неполного членства в обществе для не выполнивших это требование» [15, 254].

В данном случае Р. Мертон, по сути, указывает на тот «социальный механизм», действие которого в свое время вскрыл К. Мангейм в работе «Идеология и утопия» [14]. Хотя следует отметить определенную специфику его функционирования в условиях американского общества.

Если допустить относительно вольную интерпретацию точки зрения Р. Мертона, то можно отметить, что идеологическое давление в американском обществе, навязывающее определенные цели и связанные с ними ценности низшим слоям, является более тонким и сложным, а также вполне осознанным инструментом манипуляции общественным сознанием, применяемым для сохранения власти верхушки общества и не допускающим даже предпосылок к складыванию альтернативных «утопических» концепций, а тем более опирающихся на них оппозиционных движений.

В результате, как резюмирует Р. Мертон, «именно в этих условиях и благодаря этим процессам нынешняя американская культура продолжает характеризоваться превознесением богатства как основного символа успеха и отсутствием соответствующего акцентирования законных путей, по которым можно было бы проследовать к этой цели» [15, 254]. Таким образом, американское общество продолжает относительно успешно функционировать, несмотря на присутствующую и разрастающуюся, по мнению Р. Мертона, аномиию.

Дополняя и развивая вывод Р. Мертона, можно отметить, что происходит это благодаря в первую очередь двум основным указанным выше факторам: во-первых — исторически укорененному в ментальности американцев и поддерживаемому в общественном сознании протестантской этикой и религией стереотипу, связанному с экономической деятельностью [3], который условно и кратко можно

назвать «идеология успеха», а во-вторых — изошренному и жесткому (фактически — тоталитарному) идеологическому давлению, которое поддерживает и навязывает данный стереотип.

Возможно, поэтому Р. Мертон хотя и вскрывает недостатки «американской мечты» и лозунга об «обществе равных возможностей», которые приводят к аномии, тем не менее, являясь носителем американской ментальности, склонен по преимуществу негативно оценивать те варианты форм приспособления, которые не ориентированы на достижение господствующей в данной культуре цели — «денежного успеха» (или, в более широком варианте, предложенном А. К. Коэном, — на повышение своего статуса [9]), и потому связывает ценности в первую очередь с целью.

Однако данная цель и связанные с ней ценности, несмотря на их широкое распространение, не являются общепринятыми или универсальными даже в современном американском обществе, несмотря на то, что «вестернизация» и «американизация» оказали и продолжают оказывать большое влияние на различные цивилизации и конкретные культуры.

Поэтому, применяя концепцию Р. Мертонa в исследовании конкретного общества, необходимо учитывать цивилизационные и ментальные различия, религиозные и культурные ценности различных социальных групп и этносов, например, традиционные ценности и уклад малых народов.

Переходя к общей характеристике типов индивидуального приспособления и теории «аномии», необходимо отметить, что в своей концепции Р. Мертон делает акцент на описании, по сути, обобщенной идеализированной модели по преимуществу статичного стабильного гомогенного общества или общества, которое стремится к такому состоянию или его поддержанию с помощью культурных стереотипов, поддерживаемых и навязываемых тотальной жесткой идеологией. Если обратиться к истории, то данной модели максимально соответствовали традиционные общества, а в XX в. общества с национал-социалистической идеологией, в первую очередь фашистская Германия. Отчасти ей соответствовали общества с буржуазной и коммунистической идеологией, прежде всего американское и советское общества в период их идеологического противостояния. Хотя при этом в реальности и то и другое общества включали различные этнокультурные и религиозные общности со своими культурными целями и ценностями.

Большинство современных обществ (в первую очередь российское, американское и европейские) становятся еще более гетерогенными. Так, например, современное российское общество является поликультурным, поликонфессиональным, включающим различные сохраняющие свою самобытность социальные группы с разными системами ценностей и культурными нормами. В дополнение к этому в современном российском обществе происходит смена и при этом наличествует сосуществование преобладающих культурных целей, ценностей и институциональных норм.

Несмотря на указанные недостатки концепции Р. Мертонa, она до сих пор сохраняет значительный эвристический потенциал, в том числе применительно к изучению современного российского общества. При этом она может быть

использована не только для исследования его структуры и функционирования, но и для анализа социальных изменений.

Таким образом, концепция типов индивидуального приспособления и теория «аномии» Р. Мертон применима в первую очередь для изучения либо гомогенного общества, либо общества, стремящегося к такому состоянию в результате давления тотальной идеологии.

С другой стороны, концепцию Р. Мертона можно рассматривать как обобщенную идеализированную модель, которая, при условии определенного ее развития и в сочетании с другими концепциями, может быть применима и к изучению гетерогенного общества, а также социальных изменений, причем не только эволюционных, но и революционных, что, например, наглядно иллюстрируют исследования П. Штомпки, который включил в свою концепцию «культурной травмы» некоторые положения мертоновской теории [25].

Для изучения постсовременного общества (в том числе и российского) можно предложить направление развития концепции Р. Мертона, предполагающее ряд следующих мер («шагов»): расширение количества типов индивидуального приспособления (например, в результате введения дополнительных оснований или рассмотрения в качестве отдельных переменных культурных ценностей или разграничения норм права и морали); дифференциацию оценки девиантных типов (например, за счет разграничения позитивной и негативной девиации) вместо однозначно негативной, как у Р. Мертона; установление связи изучения социальной структуры (как основы) с исследованием социальной динамики (например, в результате выявления конфликтных отношений) и, следовательно, расширение понятия аномии (например, за счет введения понятий позитивной и негативной аномии).

При этом, применяя концепцию Р. Мертона к анализу конкретного общества, в том числе российского, следует учитывать его цивилизационные особенности, культурное своеобразие и разнообразие, а также специфику его ментальности.

1. *Афанасьев В. С.* Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 2. С. 69–81.

2. *Вебер М.* Социология религии // Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 78–308.

3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения : пер. с нем. М., 1990. С. 61–272.

4. *Гилинский Я. И.* Социология девиантного поведения и социального контроля : краткий очерк // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 2. С. 51–68.

5. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда ; Метод социологии. М., 1991. С. 3–390.

6. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд : пер. с фр. с сокр. М., 1994.

7. *Кавецкий С. Т.* Аномалии общественного развития в период системной трансформации // Философско-культурологические идеи академика В. С. Стёпина в свете современных социальных трансформаций : материалы междунар. науч. конф., Минск, 4–5 нояб. 2014 г. Минск, 2015. С. 65–68.

8. *Клауорд Р. А., Оулин Л. Е.* Дифференциация субкультуры // Социология преступности : пер. с англ. М., 1966. С. 334–354.

9. Коэн А. К. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М., 1965. С. 519–550.
10. Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социол. исслед. 2014. № 8. С. 3–10.
11. Кравченко С. А. Игровая социализация российского общества: (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.
12. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социол. исслед. 2004. № 3. С. 93–97.
13. Макайвер Р. Социальные причины преступности // Социология преступности. С. 75–82.
14. Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 7–94.
15. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
16. Монахов В. В. Теоретические подходы и предметные рамки изучения правового нигилизма в российском обществе // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2011. № 1(21). С. 58–65.
17. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 73–520.
18. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
19. Сатерленд Э. Х. «Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями?» // Социология преступности. С. 45–60.
20. Селлин Т. Конфликт норм поведения // Там же. С. 282–288.
21. Селлин Т. Социологический подход к изучению причин преступности // Там же. С. 27–39.
22. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М., 2006. С. 305–366.
23. Сорокин П. А. Система социологии : в 2 т. Т. 2 : Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М., 1993.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2007.
25. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 6–16.
26. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Там же. № 2. С. 3–12.
27. Dubin R. Deviant Behavior and Social Structure: Continuities in Social Theory // ASR. 1959. Apr. P. 147–164.

Рукопись поступила в редакцию 30 января 2018 г.